

Применение диффамационных составов преступлений и правонарушений

*// Анализ норм права
и практики их применения
в период 2020–2023 годов*

Белорусская ассоциация журналистов (БАЖ) организует эту серию отчетов при поддержке Reporters Without Borders Sweden.

Отчет был подготовлен при финансовой поддержке Sida в рамках ForumCiv. Ни Sida, ни ForumCiv не участвовали в создании этого отчета, также они не несут ответственности за его содержание или выраженные в нем взгляды.

This report was produced with financial support from Sida through ForumCiv. Neither Sida nor ForumCiv has participated in the production of this report, nor are they responsible for its contents or the views expressed herein.

Содержание

1. Введение	1
2. Международные стандарты права на свободу выражения мнения и их применение в отношении оскорбления и клеветы	3
3. Ответственность за оскорбление в законодательстве и правоприменительной практике Республики Беларусь	9
Административная ответственность за оскорбление	10
Уголовная ответственность за оскорбление. Анализ правовых норм .	12
Практика привлечения к ответственности за оскорбления	17
4. Ответственность за распространение заведомо ложных сведений (клевету) в законодательстве и правоприменительной практике Республики Беларусь	22
Уголовная ответственность за клевету. Анализ правовых норм	22
Административная ответственность за распространение заведомо ложных сведений. Анализ правовых норм	27
Практика привлечения к ответственности за клевету	28
5. Ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных в законодательстве и правоприменительной практике Республики Беларусь	34
Международные стандарты в области защиты персональных данных	34
Ограничения обработки персональных данных в законодательстве Беларуси	36
Административная ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных. Анализ правовых норм	37
Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных. Анализ правовых норм	40
Практика привлечения к ответственности за незаконные действия в отношении персональных данных	44
6. Выводы	52

Введение

В белорусском законодательстве содержится значительное количество норм, предусматривающих уголовную и административную ответственность за диффамацию — оскорбление и клевету. Данные нормы неоднократно становились предметом критики как чрезмерно ограничивающие право на свободу выражения мнения. В предыдущие годы правительству Беларуси были адресованы рекомендации о необходимости изменений законодательства в сторону большего соблюдения прав человека, в частности, в рамках [третьего цикла Универсального периодического обзора](#) в 2020 году¹.

Тем не менее, в период 2020–2023 годов указанные рекомендации не только не были исполнены, но наоборот, в условиях общественно-политического кризиса, начавшегося после президентских выборов, резко ужесточились как законодательство, устанавливающее ограничения права на свободу выражения мнения, так и практика применения данного законодательства. Диффамационные составы преступлений стали активно использоваться для преследования политических оппонентов действующей власти, журналистов и обычных граждан, высказывающих несогласие с действиями государства.

Одновременно с этими процессами в рассматриваемый период произошли заметные изменения в правовом регулировании обработки персональных данных: было принято специальное законодательство в этой области, а за его нарушение была установлена ответственность в новых нормах Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях. При этом на практике сразу же возникло большое количество уголовных дел, возбужденных за незаконные действия в отношении персональных данных. Как и в случае с клеветой и оскорблением, эти дела были преимущественно направлены на преследование лиц, нелояльных власти.

Вопросы привлечения к ответственности за клевету, оскорбление и незаконные действия в отношении персональных данных объединяет то, что они находятся одновременно в сфере действия двух прав человека: права на свободу выражения мнения и права на частную жизнь. Правомерность применения правовых санкций за названные деяния зависит от того, насколько при этом соблюден баланс этих прав.

В настоящем докладе представлен краткий анализ международных стандартов; норм белорусского законодательства, предусматривающих ответственность за оскорбление, клевету и незаконные действия в отношении

¹ <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g21/000/15/pdf/g2100015.pdf?token=NxwtE0QObEmaikg8r7&fe=true>
рекомендация 138.169

персональных данных, на предмет их соответствия международным стандартам; исследованы некоторые аспекты правоприменительной практики с целью определить, в какой мере она отвечает подходу, основанному на правах человека.

При подготовке доклада использовалась преимущественно информация из открытых источников: сведения правозащитных организаций о лицах, подвергнувшихся политически мотивированному преследованию, некоторые официальные данные, озвученные должностными лицами, публикации на официальных сайтах государственных органов. Ввиду отсутствия достаточной информации проведенный анализ не может считаться полным, однако в нем отражены наиболее существенные аспекты рассматриваемых вопросов. В заключительной части сделаны общие выводы и даны рекомендации, направленные на обеспечение соблюдения прав человека в этой сфере.

Международные стандарты права на свободу выражения мнения и их применение в отношении оскорбления и клеветы

Пункт 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — Пакт) закрепляет, что каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору.

Комитет по правам человека, анализируя, обобщая и систематизируя свою практику, публикует толкования положений Пакта в виде «замечаний общего порядка».

В Замечании общего порядка № 34 Комитет указал, что свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности. Они имеют ключевое значение для любого общества. Они являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества².

Под защиту статьи 19 Пакта подпадают различные виды выражения мнения, в том числе политические выступления, комментарии на личные или политические темы, сбор сведений, обсуждение вопросов прав человека, журналистская деятельность, культурное и художественное выражение, преподавание, а также религиозные выступления³.

К защищаемым формам распространения мнений относятся устная и письменная речь, язык жестов, а также такие средства невербальной коммуникации, как изображения и предметы искусства. К способам выражения относятся книги, газеты, брошюры, афиши, баннеры, форма одежды и материалы, не запрещенные законом. К ним относятся все виды аудиовизуальных, электронных и основанных на Интернет-технологиях средств выражения⁴.

Таким образом, все вообразимые формы и способы распространения идей и мнений подпадают под действие статьи 19 Пакта, в том числе может быть защищена Пактом и форма, которая может рассматриваться как глубоко оскорбительная⁵.

2 Замечание общего порядка №34, пункт 2.

3 Замечание общего порядка №34, пункт 11.

4 Замечание общего порядка №34, пункт 12.

5 Замечание общего порядка №34, пункт 11.

Следовательно, являясь по своей сути разновидностями высказываний, оскорбление и клевета находятся в сфере применения пункта 2 статьи 19 Пакта, гарантирующей право на свободное выражение мнения. При этом для данных высказываний могут быть установлены ограничения при соблюдении особых условий, предусмотренных в пункте 3 статьи 19.

Пункт 3 статьи 19 Пакта устанавливает, что пользование правами, предусмотренными пунктом 2, может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:

(а) для уважения прав и репутации других лиц;

(b) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Прежде всего, ограничения свободы выражения мнений должны быть установлены законом. При этом для целей пункта 3 норма, которая квалифицируется как «закон», должна быть сформулирована достаточно четко, с тем чтобы дать лицу возможность соответствующим образом следить за своим поведением, а информация о ней должна быть доступна широким слоям населения⁶. Законы, ограничивающие свободу выражения мнения, должны сами по себе соответствовать требованиям пункта 3 статьи 19 Пакта, а также должны быть совместимыми с положениями, целями и задачами Пакта.

Пункт 3 статьи 19 Пакта устанавливает закрытый перечень целей, для достижения которых может быть допустимым ограничение свободы выражения мнения. Для установления баланса между правом на частную жизнь и свободой выражения мнений необходимо оценивать, насколько ограничение будет необходимо для цели, закрепленной в пункте 3(а) статьи 19 Пакта—уважение прав и репутации других лиц.

Термин «права» включает в себя права человека, признанные в Пакте и, более широко, в международном законодательстве в области прав человека. Так, например, было бы законным ограничить свободу выражения мнений с целью защиты прав, содержащихся в статье 17⁷.

Ограничения могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и они должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют, и быть ей соразмерны⁸.

6 Замечание общего порядка №34, пункт 25.

7 Замечание общего порядка №34, пункт 28.

8 Замечание общего порядка №34, пункт 22.

Комитет устанавливает, что в случае ограничения свободы выражения мнений, государство должно четко и подробно продемонстрировать конкретный характер угрозы, а также то, что принятие конкретных мер отвечает критериям необходимости и соразмерности, в частности путем установления прямой и непосредственной связи между формой выражения и угрозой⁹.

Ограничительные меры, налагаемые государством, должны являться уместными для выполнения своей защитной функции; они должны представлять собой наименее ограничительное средство из числа тех, с помощью которых может быть достигнут желаемый результат¹⁰. При этом принцип соразмерности должен соблюдаться не только в законодательстве, в котором предусматриваются ограничения, но и административными и судебными властями в процессе применения законодательства¹¹.

Таким образом, в случае привлечения человека к ответственности за выражение мнения, государство не может просто сослаться на соответствующее законодательство и на преследование законной цели — «уважение прав или репутации других лиц». Государство обязано показать, что выражение мнения действительно напрямую угрожало защищаемому праву другого лица (для настоящего отчета — праву на частную жизнь), и что баланс между свободой выражения мнения одного лица и правом на частную жизнь другого лица был соблюден.

Комитет по правам человека отдельно подчеркивал связь между правом каждого гражданина принимать участие в ведении государственных дел (статья 25 Пакта) и реализацией свободы выражения мнения, включая свободу обсуждения государственных дел, право на критику и возражения, на публикацию политических материалов, на проведение избирательных кампаний и на пропаганду политических убеждений¹². В связи с этим одного лишь факта, что формы выражения мнений оскорбляют какого-либо общественного деятеля, недостаточно для того, чтобы обосновать установление наказаний, хотя общественные деятели также могут в своих интересах использовать положения Пакта. Более того, все общественные деятели, в том числе представители высшей политической власти, такие как главы государств и правительств, могут на законных основаниях становиться объектом критики и нападков политической оппозиции¹³.

На основании этого Комитет выражает обеспокоенность в связи с законами, которые устанавливают ответственность за диффамацию в отношении

9 Замечание общего порядка №34, пункт 35.

10 Замечание общего порядка №27, пункт 34.

11 Замечание общего порядка №27, пункт 34.

12 Замечание общего порядка №25, пункт 25.

13 Замечание общего порядка №34, пункт 38.

политических деятелей, в том числе — оскорбление высшего государственного лица, неуважение к представителям власти, клевета на главу государства, защита чести государственных должностных лиц. Комитет также отмечает, что законом не должны устанавливаться более жесткие меры наказания исключительно в связи с положением личности индивида, чья репутация была якобы подвергнута сомнению, а государствам-участникам не следует запрещать критику таких структур, как армия или административный аппарат¹⁴.

Комитет также отдельно отмечает, что несовместимым с пунктом 3 является запрет на публикацию сайтами или системами распространения информации каких-либо материалов исключительно по той причине, что они могут содержать критику правительства или социально-политической системы, которой придерживается правительство¹⁵.

На региональном уровне свободу выражения мнений защищают [статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод](#) (далее — ЕКПЧ), [статья 13 Американской конвенции о правах человека](#), [статья 9 Африканской хартии прав человека и народов](#).

В связи с этим в дополнение к практике Комитета по правам человека можно принимать во внимание и подходы Европейского суда по правам человека, изложенные в решениях по делам, связанным с клеветой и оскорблениями.

Еще в 1986 году Европейский суд по правам человека вынес прецедентное решение [по делу Лингенс против Австрии](#). Учитывая, что свобода политических дебатов лежит в основе демократического общества, Суд отметил более высокие пределы приемлемой критики в отношении политического деятеля по сравнению с частным гражданином, поскольку «... первый неизбежно и сознательно подвергает себя тщательному изучению каждого своего слова и поступка как журналистами, так и общественностью в целом, и поэтому он должен проявлять большую степень терпимости». При этом ЕСПЧ подчеркнул, что статья 10 Конвенции защищает также и политиков, но «в таких случаях противовесом подобной защиты выступает интерес общества к открытой дискуссии по политическим вопросам».

ЕСПЧ последовательно утверждает, что наказания, назначаемые за диффамацию, должны быть соразмерными, и что правительствам следует уделять приоритетное внимание другим формам правовой защиты, а не уголовному наказанию. Несмотря на то, что ЕСПЧ не полностью исключил возможность криминализации диффамации, он никогда не соглашался с допустимостью

14 Замечание общего порядка №34, пункт 38.

15 Замечание общего порядка №34, пункт 43.

наказания в виде тюремного заключения за это преступление. В [деле Кастеллс против Испании](#) (1992 год) ЕСПЧ сказал, что, учитывая доминирующее положение правительства, ему необходимо проявлять сдержанность при обращении к уголовному судопроизводству, особенно если имеются другие варианты. В деле [Кумпана и Мазаре против Румынии](#) (2004 год) Суд отметил, что тюремное заключение правомерно применять только в исключительных случаях, «особенно в тех случаях, когда другие основные права серьезно ущемляются, как, например, в случае ненавистнических высказываний или подстрекательства к насилию».

В [деле Хандисайд против Соединенного Королевства](#) (1976 год) Суд отметил, что статья 10 ЕКПЧ распространяется не только на информацию и идеи, воспринимаемые положительно или нейтрально, но и «на те, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят государство или какую-либо часть населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых не существует «демократического общества». Это означает, помимо прочего, что любая «формальность», «условие», «ограничение» или «наказание», налагаемые в этой сфере, должны быть соразмерны преследуемой законной цели».

В [деле Тушальп против Турции](#) Европейский суд по правам человека в 2012 году пришел к выводу, что присуждение штрафов за публикации статей, критикующих тогдашнего премьер-министра, нарушили статью 10 ЕКПЧ на том основании, что хоть замечания журналиста в адрес премьер-министра и можно расценивать как оскорбительные и грубые, они имели достаточную фактическую основу, потому что они были «главным образом оценочными суждениями на основании конкретных фактов, событий или инцидентов, которые уже были известны широкой общественности». При этом ЕСПЧ отметил, что оскорбительные выражения не защищаются в соответствии с Конвенцией, «если они приравниваются к бессмысленному очернению, например, когда единственной целью оскорбительного заявления является само оскорбление». Суд пришел к выводу, что замечания, содержащиеся в статьях, не были просто личными нападениями на премьер-министра, а мнениями по вопросам, представляющим общественный интерес.

В [деле Терентьев против России](#) (2019) ЕСПЧ напомнил свою практику, согласно которой «оскорбительная лексика может выходить за рамки защиты свободы выражения мнений, если она равносильна произвольному очернению; однако использование вульгарных фраз само по себе не имеет решающего значения для оценки оскорбительного выражения, поскольку оно вполне может служить лишь стилистическим целям». Кроме того, ЕСПЧ подчеркнул, что, «будучи частью сил безопасности государства, полиция

должна проявлять особенно высокую терпимость к оскорбительным высказываниям, если только такие подстрекательские высказывания не могут спровоцировать неизбежные противоправные действия в отношении их персонала и не подвергают их реальной опасности физического насилия».

Статьей 8 Конституции Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Согласно статье 33 Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение. Статьей 28 Конституции провозглашено, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. При этом ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (статья 23 Конституции).

Таким образом, международные стандарты в области свободы выражения мнения и права на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь воплощены и в нормах Конституции Республики Беларусь. Тем не менее, как будет видно далее, иное законодательство Республики Беларусь и практика его применения не соответствуют международным стандартам.

Ответственность за оскорбление в законодательстве и правоприменительной практике Республики Беларусь

И в административном, и в уголовном законодательстве Беларуси предусмотрена ответственность за оскорбление, которое определено как «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме».

Из этого определения следует, что умышленное унижение чести и достоинства возможно и средствами, не имеющими неприличной формы выражения. В таком случае оно не будет являться оскорблением ни в административно-правовом, ни в уголовно-правовом смысле, и может повлечь ответственность лишь в порядке статьи 153 Гражданского кодекса (защита чести, достоинства и деловой репутации).

В случае же, если унижение чести и достоинства происходит в неприличной форме, ответственность за это наступает по статьям Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) или Уголовного кодекса (УК) в зависимости от других квалифицирующих признаков.

Что конкретно понимается под «неприличной формой» высказывания или действия, белорусским законодательством не определено. В большинстве дел об оскорблении, в особенности в уголовных делах, прибегают к получению мнения специалиста-лингвиста или к проведению лингвистической экспертизы. Высказывание анализируется с точки зрения языка и контекста. Однако лингвист не вправе давать юридическую оценку высказывания и квалифицировать высказывание, как оскорбление, поскольку правовые вопросы не входят в его компетенцию. Эти вопросы разрешаются непосредственно судом.

Способ выражения оскорбления в белорусском законодательстве не конкретизирован. Но с учетом того, что оскорбление также является разновидностью выражения мнения, хотя и негативного, можно заключить, что оскорбление может быть как высказыванием в устной или письменной форме, так и действием (например, плевков в лицо, жест, изображение, перформанс, инсталляция, и т. д.). Из правоприменительной практики следует, что в подавляющем большинстве административных и уголовных дел об оскорблении речь идет о высказываниях.

Таким образом, можно выделить следующие признаки оскорбления (общие для административного и уголовного права):

- // наличие высказывания или действия;
- // умышленный характер такого высказывания или действия;
- // унижение этим высказыванием или действием чести и достоинства какой-то конкретной личности;
- // неприличная форма этого высказывания или действия.

Административная ответственность за оскорбление

Статья 10.2 КоАП. Оскорбление

1. Оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме,—

влечет наложение штрафа в размере до тридцати базовых величин.

2. Оскорбление в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи,—

влечет наложение штрафа в размере от десяти до двухсот базовых величин, или общественные работы, или административный арест, а на юридическое лицо—наложение штрафа в размере от тридцати до двухсот базовых величин.

Статья 24.4. КоАП. Оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий

1. Оскорбление должностного лица государственного органа (организации) при исполнении им служебных полномочий лицом, не подчиненным ему по службе,—

влечет наложение штрафа в размере от двадцати до тридцати базовых величин.

2. То же деяние, совершенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи,—

влечет наложение штрафа в размере от десяти до двухсот базовых величин, или общественные работы, или административный арест, а на юридическое лицо — наложение штрафа в размере от тридцати до двухсот базовых величин.

Анализ правовых норм

В КоАП содержатся две статьи, устанавливающие административную ответственность за оскорбление: статья 10.2 (оскорбление) и статья 24.4 (оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий).

В части 1 статьи 10.2 КоАП определено, что именно является оскорблением: «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме». Это определение применимо и к статье 24.4 КоАП.

Субъектом правонарушения и потерпевшим по статье 10.2 КоАП является любое лицо, тогда как в статье 24.4 КоАП потерпевший — должностное лицо государственного органа (организации) при исполнении им служебных полномочий, а субъект — лицо, не подчиненное ему по службе.

Публичность оскорбления, его распространение в сети Интернет или иной сети электросвязи является квалифицирующим обстоятельством, влечет ответственность по части 2 статей 10.2 и 24.4 КоАП и предполагает более суровое взыскание. Этот квалифицирующий признак оскорбления был установлен КоАП от 6 января 2021 года и стал применяться с 1 марта 2021 года — после президентских выборов 2020 года, когда стала заметно ужесточаться ответственность за выражение мнений публично и в сети Интернет.

Деяние, содержащее признаки, предусмотренные статьей 10.2 КоАП, влечет административную ответственность только при наличии выраженного в установленном Процессуально-исполнительным кодексом об административных правонарушениях порядке требования потерпевшего или его законного представителя привлечь лицо, совершившее административное правонарушение, к административной ответственности.

По статье 24.4 КоАП административный процесс может быть начат и без соответствующего требования потерпевшего.

Если сравнить между собой статьи 10.2 и 24.4 КоАП, то с первого взгляда можно заключить, что оскорбление должностного лица и оскорбление не должностного лица (обычного человека) влекут фактически аналогичную административную ответственность. Однако в действительности санкция части 1 статьи 24.4 КоАП значительно более суровая в сравнении с санкцией части 1 статьи 10.2. КоАП, поскольку минимально возможное наказание

по части 1 статьи 24.4 КоАП—двадцать базовых величин, тогда, как по части 1 статьи 10.2 КоАП нижний предел санкции не установлен, а, значит, согласно статье 6.4 КоАП, минимально возможное наказание—одна десятая базовой величины.

Таким образом, из анализа статей Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях об оскорблении и сравнения этих статей с положениями Конституции и международными стандартами свободы выражения мнения усматривается несколько проблем.

Ответственность за публичное оскорбление или оскорбление в сети по частям 2 обеих приведенных статей КоАП возможна в том числе и в виде административного ареста, что делает эту санкцию с учетом ее цели, характера и строгости сродни уголовной¹⁶.

Кроме того, частями 2 обеих этих статей и для физических, и для юридических лиц предусмотрены штрафы, причем для физических лиц—максимально возможный в рамках административного процесса (ст. 6.4 КоАП). Представляется, что такие санкции ставят под сомнение соблюдение принципа соразмерности.

В нарушение международных стандартов КоАП устанавливает более жесткие меры ответственности за оскорбление должностного лица исключительно в связи с положением его личности. Кроме того, ответственность за оскорбление должностного лица может наступить даже без наличия с его стороны соответствующего требования, тогда как других граждан (не должностных лиц) закон так активно не защищает.

Уголовная ответственность за оскорбление. Анализ правовых норм

Статья 189 УК. Оскорбление

Умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме (оскорбление), в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи,—

наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет.

¹⁶ Замечание общего порядка № 32, пункт 15.

Анализ статьи 189 УК

В рассматриваемый период (с 2020 по 2023 год) статья 189 УК действовала непродолжительное время до ее исключения в 2021 году.

Данная статья, содержащаяся в УК с момента его принятия в 1999 г., в течение своего действия претерпевала значительные изменения. Изначально она устанавливала ответственность за оскорбление, совершенное в течение года после наложения мер административного взыскания за оскорбление или клевету. Наличие квалифицирующего признака — публичности оскорбления — влекло повышенную ответственность по части 2 статьи 189.

С 19 июля 2019 года стала действовать новая редакция этой статьи, устанавливающая уголовную ответственность только за оскорбление «в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи». Непубличное оскорбление было декриминализовано.

Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 года № 85-З статья 189 была исключена из УК (изменение вступило в силу 14 апреля 2021 года). Фактически это преступление было перенесено в Кодекс об административных правонарушениях, став правонарушением.

Постепенное смягчение ответственности, а затем и исключение статьи об оскорблении из УК можно было бы только приветствовать, если бы одновременно с декриминализацией оскорбления обычных (не должностных) лиц и нормативно, и на практике не ужесточалась ответственность за диффамацию в отношении главы государства и иных должностных лиц. Особо показательны, что такие законодательные изменения и изменения практики произошли именно после президентских выборов 2020 года.

Статья 368 УК. Оскорбление Президента Республики Беларусь

1. Публичное оскорбление Президента Республики Беларусь,— наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до четырех лет, или лишением свободы на тот же срок.
2. То же действие, совершенное лицом, ранее судимым за оскорбление или клевету, либо соединенное с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления,—

наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на тот же срок.

Примечание. Под оскорблением в настоящей статье, статьях 369, 391 и 444 настоящего Кодекса понимается умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме.

Анализ статьи 368 УК

Статья 368, а также приведенные ниже статьи 369, 391, 444 УК, предусматривают ответственность за оскорбление отдельных категорий лиц. Определение оскорбления («умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме»), которое раньше содержалось в статье 189, после исключения ее из УК было перенесено в примечание к статье 368 и является общим для всех перечисленных составов преступлений и также совпадает с определением, используемым в КоАП.

В УК статья 368 с 1999 до 2021 года содержалась в неизменном состоянии. Однако Законом от 26 января 2021 года № 112-З—в период общественно-политического кризиса в Беларуси после президентских выборов 2020 года—в статью 368 УК были внесены изменения, которыми была заметно ужесточена ответственность за совершение этого преступления (срок ограничения и лишения свободы по частям 1 и 2 статьи 368 УК увеличены на два года). Таким образом, часть 1 статьи 368 УК перестала относиться к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности, а стала, как и часть 2 статьи 368 УК, менее тяжким преступлением.

Обращает на себя внимание, что в статье 368 УК (оскорбление президента), в отличие от статьи 369 УК (оскорбление представителя власти), две части. Вторая часть содержит квалифицирующие признаки (совершение преступления лицом, ранее судимым за оскорбление или клевету; обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления), влекущие еще более суровую ответственность за оскорбление президента. Таким образом, вопреки международным стандартам, согласно которым главы государств и правительств могут на законных основаниях становиться объектами критики и нападок и имеют более высокие пределы допустимой критики в сравнении с обычными гражданами, президенту в Беларуси целенаправленно предоставлена повышенная защита не только в сравнении с обычными гражданами, но также с иными должностными лицами.

Статья 369 УК. Оскорбление представителя власти

Оскорбление представителя власти или его близких в связи с выполнением им служебных обязанностей, совершенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет,—

наказывается штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет со штрафом, или лишением свободы на тот же срок со штрафом.

Анализ статьи 369 УК

Статья 369 является специальной нормой, предусматривающей ответственность за оскорбление в отношении представителя власти. Кого именно следует понимать под представителем власти, разъяснено в пункте 1 части 4 статьи 4 УК: депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, а равно государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе.

Первоначально составом ст. 369 УК охватывалось только публичное оскорбление самого представителя власти в связи с выполнением им служебных обязанностей. Это преступление относилось к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

Однако на основании Закона от 26 мая 2021 года № 112-З статья 369 была изложена в новой редакции. Объектом посягательства стал не только представитель власти, но также и его близкие. Кроме того, было дополнено, что уголовно наказуемым оскорблением будет считаться и информация, размещенная в СМИ и сети Интернет. Была значительно ужесточена санкция, и из категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности, статья 369 перешла в категорию менее тяжких преступлений.

Статья 391 УК. Оскорбление судьи или народного заседателя

Оскорбление судьи или народного заседателя в связи с осуществлением ими правосудия,—

наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет.

Анализ статьи 391 УК

Статья 391 представляет собой еще одну специальную уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за оскорбление в отношении определенной категории лиц — судей и народных заседателей.

С момента принятия Уголовного кодекса эта статья не претерпела существенных изменений. Она не предусматривает квалифицирующих признаков. Санкция, в отличие от статей 368 и 391 УК, не предусматривает лишения свободы, и данный состав относится к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности.

Следует обратить внимание, что одновременно со статьей 391 Уголовного кодекса в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях содержится статья 25.1, предусматривающая ответственность за неуважение к суду:

Статья 25.1 КоАП. Неуважение к суду

Неуважение к суду, выразившееся в уклонении от явки в суд, то есть неявка по вызову без уважительной причины, либо в неподчинении распоряжению председательствующего, либо в нарушении порядка во время судебного заседания, а равно совершение иных действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к суду,—

влекут наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест.

Анализ статьи 25.1 КоАП

Представляется, что в случае если действия лиц действительно посягают на общественный порядок, честь и достоинство судьи, статья 25.1. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях является достаточным средством для привлечения лиц к ответственности, в том числе в случаях оскорбления судьи или народного заседателя. Однако при этом для защиты чести и достоинства судьи или народного заседателя санкция статьи 25.1. КоАП в виде административного ареста не будет являться соразмерным ограничением свободы выражения мнения, поскольку она является необоснованно суровой.

Статья 444 УК. Оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного

Оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного, совершенное в связи с исполнением ими обязанностей воинской службы,— наказывается ограничением по военной службе на срок до одного года или арестом.

Анализ статьи 444 УК

Статья 444 УК относится к преступлениям против воинской службы. Субъекты и потерпевшие по этому составу от преступления — лица, на которых распространяется статус военнослужащего. Понятие начальника определено в части 6 статьи 4 УК: лицо, на которое распространяется статус военнослужащего и которое по своему служебному положению или воинскому званию имеет право отдавать подчиненным приказы и требовать их исполнения.

Данный состав относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности. При этом санкция статьи предусматривает наказание в виде ареста.

Несмотря на то, что согласно статье 444 УК ответственность за оскорбление подчиненным начальника и начальником подчиненного аналогична, возложение за это на лиц уголовной ответственности, тем более, предусматривающей наказание в виде ареста, не является соразмерной нарушенному праву.

Практика привлечения к ответственности за оскорбления

В открытых источниках отсутствуют статистические данные о привлечении к уголовной и административной ответственности за оскорбление в период 2020–2023 годов.

Однако, по словам первого заместителя председателя Верховного Суда Республики Беларусь, в 2020 г. к административной ответственности за оскорбление привлечено более 6000 человек, за клевету — 146 человек, причем большинство оскорблений были «бытовыми». К уголовной ответственности в 2020 году за клевету [было привлечено](#) 5 человек, за оскорбление — 16 человек. В дальнейшем, после президентских выборов 2020 года, практика привлечения к ответственности за оскорбление и клевету значительно расширилась и изменила свою структуру, перейдя из административной преимущественно в уголовную плоскость.

Некоторые сведения об этом можно почерпнуть из информации, представляемой правозащитными организациями и международными механизмами. Эти сведения касаются преимущественно политически мотивированных дел.

В докладе Верховного комиссара ООН по правам человека A/HRC/52/68 [«Положение в области прав человека в Беларуси в преддверии президентских выборов 2020 года и после них»](#) (2023 год) отмечено, на ноябрь 2022 года не менее 1784 человек были осуждены за преступления, характеризующиеся как грубое нарушение общественного порядка, оскорбление президента или представителя власти или разжигание социальной вражды¹⁷.

По состоянию на начало 2024 года правозащитникам [было известно](#) о рассмотрении судами только в 2023 году 691 дело об оскорблении президента (ст. 368 УК); 902 дела об оскорблении представителя власти (ст. 369 УК); 79 дел об оскорблении судьи (ст. 391 УК). В 2023 году [велось](#) следствие по 1263 делам, возбужденным по статье 368 УК (оскорбление президента), 1570 дел расследовано по статье 369 УК (оскорбление представителя власти).

И по статье 368, и по статье 369 УК в нарушение международных стандартов наиболее распространенной практикой наказания является именно лишение свободы. Широко распространены случаи, когда вынесенные судом первой инстанции обвинительные приговоры с наказанием в виде ограничения свободы отменяются по протесту прокурора, и наказание изменяется на реальное лишение свободы¹⁸.

В большинстве своем уголовное преследование за оскорбление представителя власти или оскорбление президента Республики Беларусь касается негативных высказываний в адрес должностных лиц, часто — сотрудников милиции — в социальных сетях и в комментариях онлайн медиаресурсов. Из периода размещения большинства этих негативных высказываний, их контекста и сути с очевидностью усматривается, что эти высказывания не являются беспричинным опорочиванием, «оскорблением ради оскорбления», но напротив, — являются выражением мнения граждан в связи с происходящими в Беларуси политическими событиями, а также необоснованным, несправедливым, жестоким и противоправным поведением первых должностных лиц государства, представителей правоохранительных органов и судов.

Исходя из имеющейся у правозащитников информации к уголовной ответственности по статье 368 УК людей [привлекали](#) к ответственности

17 [«Положение в области прав человека в Беларуси в преддверии президентских выборов 2020 года и после них»](#), пункт 35.

18 Соответствующая практика представлена на официальном [сайте](#) Верховного Суда Республики Беларусь.

за различные по своей форме выражения мнений. По данной статье был привлечен человек за то, что на своем дачном участке установил и поджег макет, внешне похожий на Александра Лукашенко, на котором висела табличка с текстом «Восток — в Гаагу». К году лишения свободы был приговорен мужчина, который оставил комментарий «Идиот тупорылый, гореть ему в аду» в отношении А. Лукашенко в Telegram-чате под публикацией «Лукашенко подписал приказ о призыве на срочную военную службу в августе — ноябре».

Мужчина приговором суда Ошмянского района от 5 апреля 2022 года был осужден за публикацию в августе — сентябре 2020 года видеороликов, в которых лицо героя менял на лицо А. Лукашенко, по статье 368 Уголовного кодекса. На момент совершения деяния максимальный срок ограничения свободы по данной статье составлял два года. Со вступлением в силу редакции Уголовного кодекса от 2021 года срок ограничения свободы был увеличен до четырех лет. Несмотря на это, государственный обвинитель запрашивал для обвиняемого три года ограничения свободы. Суд приговорил обвиняемого к двум с половиной годам ограничения свободы.

Генеральной прокуратурой [сообщены](#) подробности уголовного дела в отношении белорусского философа Владимира Мацкевича, задержанного в августе 2021 года. Среди обвинений Мацкевича то, что он создал и 7 мая 2021 года разместил на YouTube-канале видеозапись с оскорблением в адрес главы государства. Из этой информации можно сделать вывод, что речь идет о [видеозаписи](#) «Владимир Мацкевич: дорожная карта Победы, Япутьки в РБ, про день X и 9 мая», в котором Мацкевич, отвечая на вопрос журналиста о его оценке отношения политического руководства Российской Федерации к президенту Республики Беларусь произнес фразу авторства 32-го президента США Франклина Делано Рузвельта, которая ранее неоднократно использовалась в политической риторике: «сукин сын, но он наш сукин сын». Судом по части 1 статьи 368 УК Мацкевичу было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 1 год 6 месяцев.

По статье 369 УК женщина была осуждена к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение на два года за комментарий к публикации в Telegram-канале о начальнице инспекции по делам несовершеннолетних: «Кто-то же «тварину» замуж взял». Мужчина был приговорен по статье 369 к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа на полтора года за комментарий «К ответу с*ку!» в социальной сети «Одноклассники» под публикацией с фотографией заместителя начальника РОВД по идеологической работе. Женщина была осуждена за комментарий «Мрази!» под публикацией, негативно характеризующих сотрудников милиции, в одной из социальных сетей.

По статье 391 УК женщина приговором суда Фрунзенского района города Минска была осуждена к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение на два года за сообщение в публичной группе в одной из социальных сетей «Мерзость, все тебе вернется и очень скоро» в отношении Натальи Борисовец, судьи того же суда. Мужчина был приговорен к ограничению свободы по данной статье за публичное оскорбление судьи в автобусе¹⁹.

Из приведенных примеров следует, что в большинстве своем высказывания, за которые белорусских граждан привлекают к уголовной ответственности за оскорбления, не имеют цели унижения чести и достоинства, как таковой, а являются выражением мнения граждан по поводу общественно-значимых вопросов.

Как уже было указано выше, какая-либо единообразная методика определения того, что именно подразумевается под неприличной формой высказывания или действия, в белорусском законодательстве отсутствует. Среди лингвистов отсутствует единообразие подходов: по одному и тому же вопросу разные специалисты или эксперты нередко приходят к противоположным выводам. Так, существует мнение, что неприличную форму имеют лишь нецензурные высказывания. Это означает, что ни слова литературного языка, даже имеющие резко негативную семантику, ни стилистически сниженная лексика не представляют собой неприличную форму высказывания²⁰. Другие лингвисты трактуют неприличную форму зачастую необоснованно широко. Проблемы, которые возникают на практике с квалификацией высказываний по делам об оскорблении, связаны с неразличением бытового и юридического понимания оскорбления, отождествления оскорбления с обидой. Оскорбление в обыденном понимании гораздо шире, чем в юридическом. Для юридической квалификации высказывания как оскорбительного необходимым признаком является неприличная форма, а в обыденном понимании к оскорблению относят любые слова с негативной семантикой. На практике это нередко приводит к тому, что лиц привлекают к ответственности за оскорбления даже в тех случаях, когда, в действительности, высказывание не было выражено в неприличной форме, а только лишь выражало негативную оценку личности или поведения и являлось обидным для лица, на которое было направлено это высказывание (например, «мерзость», «сукин сын», «придурок», «идиот» и др.). Представляется, что мнения специалистов или заключения экспертов-лингвистов, к которым обращаются белорусские правоохранительные органы в ходе подготовки дела об административном правонарушении, проверки или производства по уголовному делу, по поводу того, имела ли

¹⁹ По материалам из электронной базы etalon.by

²⁰ Например, такой подход подробно [обоснован](#) российским ученым Стерниным И.А. и др.

место неприличная форма высказывания, нередко являются не только не слишком профессиональными, но и с очевидностью ангажированными. И это потворствует привлечению к ответственности за оскорбления лиц, допустивших высказывания, не имевших природы оскорбления, как административного правонарушения или уголовного преступления.

Очевидной проблемой правоприменительной практики является толкование оскорбления, размещенного в открытых источниках (преимущественно в Интернете), как длящегося преступления. Например, если комментарий, содержащий оскорбление, был размещен в социальных сетях в интернете, не удален и продолжил оставаться в сети, то срок давности исчисляется органами уголовного преследования и судами не с даты размещения комментария в социальных сетях, а с последней даты нахождения этого комментария в интернет. В связи с этим привлечение к ответственности за высказывания в интернете становится возможным за пределами срока давности, который должен был бы отсчитываться с момента, когда конкретное высказывание было в действительности размещено в сети.

Ответственность за распространение заведомо ложных сведений (клевету) в законодательстве и правоприменительной практике Республики Беларусь

Гражданское законодательство Республики Беларусь предусматривает право гражданина «требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности» (статья 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

В ряде случаев за передачу не соответствующих действительности сведений законодательство Беларуси предусматривает уголовную и административную ответственность. Распространение информации (даже той, которая, как окажется, не соответствует действительности), представляет собой реализацию свободы выражения мнений. В связи с этим привлечение к уголовной и административной ответственности за распространение недостоверных сведений должно соответствовать критериям правомерности ограничений, предусмотренным пунктом 3 статьи 19 Пакта.

На это обстоятельство обращал внимание и Комитет по правам человека, который отмечал необходимость тщательной разработки законов, касающихся клеветы, и указывал на необходимость обеспечивать соответствие данных законов положениям пункта 3 статьи 19 Пакта. Комитет также указывал на недопустимость того, чтобы эти законы на практике использовались для ограничения права на свободное выражение мнений²¹.

Уголовная ответственность за клевету. Анализ правовых норм

Уголовный кодекс предусматривает две статьи, устанавливающие ответственность за распространение недостоверных сведений: статья 188 — «Клевета» и статья 367 «Клевета в отношении президента Республики Беларусь». При этом Комитет по правам человека отмечал, что государствам следует рассмотреть возможность исключения клеветы из разряда преступлений, но в любом случае уголовное законодательство должно применяться лишь в связи с наиболее серьезными случаями, а лишение свободы ни при каких условиях не должно считаться адекватной мерой наказания²².

21 Замечание общего порядка №34, пункт 47.

22 Замечание общего порядка №34, пункт 47.

Статья 188 УК. Клевета

Распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений (клевета) в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, либо клевета, содержащая обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления,—

наказываются штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок.

Анализ статьи 188 УК

Статья 188 УК определяет клевету как «распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений». Такое деяние будет являться уголовно наказуемым, если распространение совершено любым из следующих способов:

- // в печатном или публично демонстрирующемся произведении,
- // в средствах массовой информации,
- // в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи,
- // клевета содержит обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Преступление, предусмотренное статьей 188 УК, является преступлением частного-публичного обвинения, то есть, в соответствии с пунктом 15 части 1 статьи 33 УК — деянием, влекущим уголовную ответственность «по требованию» («лишь при наличии выраженного в установленном уголовно-процессуальным законом порядке требования лица, пострадавшего от преступления, любого из его совершеннолетних близких родственников или членов семьи в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, или его законного представителя привлечь виновного к уголовной ответственности»). То есть для возбуждения уголовного дела по статье 188 УК требуется заявление потерпевшего или кого-либо из иных перечисленных выше лиц.

По состоянию на январь 2024 года статья 188 УК предусматривает санкции в виде штрафа, или исправительных работ на срок до двух лет, или ареста, или ограничения свободы на срок до трех лет, или лишение свободы до трех лет. Причем с 2003²³ по 2021 год максимальное наказание за это же деяние составляло 3 года ограничения свободы, а лишение свободы вообще не предусматривалось. Только в 2021 году, на фоне продолжающихся репрессий, санкция данной статьи была ужесточена и было введено наказание в виде лишения свободы²⁴.

Таким образом, статья 188 УК закрепляет наказание в виде лишения свободы, что ни при каких условиях не является «адекватной мерой наказания», и сама формулировка данной статьи не соответствует критериям правомерности ограничений, предусмотренным пунктом 3 статьи 19 Пакта.

Статья 367 УК. Клевета в отношении Президента Республики Беларусь

1. Клевета в отношении Президента Республики Беларусь, содержащаяся в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет,—

наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до четырех лет, или лишением свободы на срок до пяти лет.

2. То же действие, совершенное лицом, ранее судимым за клевету или оскорбление, либо соединенное с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления,—

наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до шести лет.

Анализ статьи 367 УК

В то время как статья 188 защищает права любого человека, в отношении которого распространены заведомо ложные, порочащие его сведения, статья 367 предполагает наличие особого объекта защиты—репутации президента Республики Беларусь.

²³ Закон Республики Беларусь от 22.07.2003 N 227-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь».

²⁴ Закон Республики Беларусь от 26.05.2021 № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности».

Определение понятия «клевета» в статье 367 отдельно не дается, в связи с чем для описания деяния используется определение, приведенное в статье 188.

Статья 367 предусматривает практически те же способы распространения клеветы, что и статья 188. Существенное различие заключается в том, что предусмотренные статьей 188 УК санкции являются одинаковыми за совершение альтернативных деяний, перечисленных в статье; в то же время санкции статьи 367 УК дифференцируются в зависимости от квалифицирующих признаков деяния. И если клевета, соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, влечет такое же наказание, как и иные деяния, предусмотренные статьей 188 УК, то клевета в отношении президента, соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, квалифицируется по части 2 статьи 367 и, как результат, влечет более строгое наказание.

Повышенную ответственность за клевету в отношении президента будет нести и лицо, ранее судимое за клевету или оскорбление. В случае со статьей 188 УК наличие предыдущей судимости за клевету или оскорбление не будут никак влиять на квалификацию деяния.

При этом наказание даже по части 1 статьи 367 УК является более суровым, чем по статье 188 УК.

Преступление, предусмотренное статьей 367 УК, относится к делам публичного обвинения. Поэтому, в отличие от статьи 188 УК, для возбуждения уголовного дела по статье 367 УК не требуется никаких заявлений от «потерпевшего» (то есть президента).

Более строгие санкции, чем в статье 188 УК, повышенная ответственность за отдельные квалифицирующие деяния, которые в случае статьи 188 УК такую повышенную ответственность не несут, публичный характер обвинения по статье 367 УК указывают на то, что Республики Беларусь предоставляет президенту большую защиту от распространения сведений, не соответствующих действительности, по сравнению с другими лицами.

При этом законодатель идет на ужесточение ответственности за клевету в отношении президента: Законом Республики Беларусь «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» от 26 мая 2021 года максимальная ответственность по части 1 статьи 367 УК была увеличена с четырех лет лишения свободы до пяти лет лишения свободы. Этим же законом была увеличена максимальная ответственность по части 2 статьи 367 — с пяти лет лишения свободы до шести лет лишения свободы.

Комитет по правам человека отмечал, что «все общественные деятели, в том числе представители высшей политической власти, такие как главы государств и правительств, могут на законных основаниях становиться объектом критики и нападок политической оппозиции», и что «законом не должны устанавливаться более жесткие меры наказания исключительно в связи с положением личности индивида, чья репутация была якобы подвергнута сомнению»²⁵.

Статья 367 устанавливает более жесткие меры исключительно в связи с личностью защищаемого лица, что явно не соответствует вышеуказанному требованию. Как и санкция статьи 188, санкция статьи 367 предусматривает возможность лишения свободы лица, допустившего распространение недостоверных сведений, что также не соответствует требованиям, предъявляемым к законодательству, ограничивающему права на свободу выражения мнения.

В практике КПЧ имеются дела о нарушении прав заявителей в связи с диффамацией в отношении высших должностных лиц страны. В частности, в деле *Rafael Marques de Morais vs Angola* КПЧ отмечал, что «даже если предположить, что арест и содержание под стражей заявителя, а также ограничения на передвижение имели под собой основание в ангольском законодательстве, и что эти меры, а также его осуждение преследовали законную цель, такую как защита прав и репутации президента или общественного порядка, нельзя сказать, что ограничения были необходимы для достижения одной из этих целей. Учитывая первостепенную важность в демократическом обществе права на свободу выражения мнения и свободную и неподцензурную прессу или другие средства массовой информации, суровость санкций, наложенных на автора, не может рассматриваться как соразмерная мера по защите общественного порядка или чести и репутации Президента, общественного деятеля, который как таковой подвергается критике и оппозиции»²⁶.

25 Замечание общего порядка №34, пункт 38.

26 *Rafael Marques de Morais vs Angola*, CCPR/C/83/D/1128/2002.

Административная ответственность за распространение заведомо ложных сведений. Анализ правовых норм

Статья 24.22 КоАП. Распространение средствами массовой информации заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство Президента Республики Беларусь

Распространение средствами массовой информации заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство Президента Республики Беларусь,—

влечет наложение штрафа в размере от пяти до тридцати базовых величин, на индивидуального предпринимателя— от двадцати до ста базовых величин, а на юридическое лицо— до пятисот базовых величин.

Анализ статьи 24.22 КоАП

КоАП предусматривает ответственность СМИ за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство президента Республики Беларусь. Фактически данная статья, как и статьи 188 и 367 УК, устанавливают ответственность за клевету, только субъектом правонарушения является не физическое лицо, а средство массовой информации. В связи с этим все требования к критериям правомерности ограничений, установленным пунктом 3 статьи 19 Пакта, применимы и к данной статье КоАП. В том числе судами должен учитываться и тот факт, что президент должен быть более терпимым к критике уже в силу своего положения.

Статья 24.22 появилась в КоАП от 6 января 2021 года. Ранее, в КоАП от 21 апреля 2003 года, существовала статья 23.33 с аналогичной нормой.

Административная ответственность за распространение СМИ недостоверной информации в отношении каких-либо иных лиц не предусмотрена, и в связи с этим иные лица могут пытаться привлекать СМИ к ответственности только в гражданском судопроизводстве.

В открытых источниках нет информации о привлечении к ответственности за совершение правонарушений по статьям 23.33 КоАП от 21 апреля 2003 или статье 24.22 КоАП от 6 января 2021 года.

Однако с учетом размера санкций привлечение СМИ к ответственности за распространение сведений в отношении президента может ставить под угрозу само существование СМИ, особенно не имеющих достаточного финансирования: по состоянию на январь сумма максимального штрафа,

который может быть наложен на юридическое лицо, составляет 20000 рублей или примерно 5800 евро.

КПЧ отдельно подчеркивал, что свободная, не подлежащая цензуре и ограничениям пресса, или другие средства информации в любом обществе являются важным элементом обеспечения свободы мнений и их выражения, а также реализации других предусмотренных Пактом прав²⁷. При этом государствам-участникам следует стремиться к недопущению чрезмерных мер наказания и штрафов за реализацию свободы выражения мнений²⁸. В соответствии с пунктом 42 Замечания № 34 Установление мер наказания для СМИ, издателей или журналистов исключительно за критику правительства или общественно-политической системы, которой придерживается правительство²⁹, ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться в качестве необходимого ограничения права на свободное выражение мнений.

В деле Лукпана Ахмедьярова против Казахстана суд обязал журналиста и юридическое лицо выплатить чиновнику около 33 200 евро за распространение недостоверной информации и изображения его лица в качестве игровой карты. В дальнейшем КПЧ отметил, что «непропорционально высокая сумма компенсации, назначенной автору высказывания, указывает на то, что национальные суды, по всей видимости, не предпринимают надлежащих попыток установить справедливый баланс между защитой прав и репутации истца, с одной стороны, и правом автора на распространение информации, представляющей общественный интерес, и правом общественности на ее получение, с другой стороны»³⁰.

Статья 24.22 КоАП ограничивает свободу выражения мнения, устанавливая при этом более жесткие меры наказания исключительно в связи с положением личности президента, что делает подобное ограничение свободы выражения мнения неправомерным.

Практика привлечения к ответственности за клевету

В открытых источниках нет достаточной информации о том, за совершение каких конкретно деяний людей привлекают к уголовной ответственности по статье 188 УК. Сайт Верховного Суда Республики Беларусь, публикуя новости о привлечении к уголовной ответственности за клевету, описывает распространённую гражданами информацию как «сведения и измышления, которые не соответствуют действительности, существенно умаляют честь и достоинство потерпевшего, дискредитируют в глазах общественности».

27 Замечание общего порядка №34, пункт 13.

28 Замечание общего порядка №34, пункт 47

29 Заключительные замечания в отношении Перу (CCPR/CO/70/PER).

30 Лукпан Ахмедьяров против Казахстана, CCPR/C/129/D/2535/2015, п.9.9.

Представление о том, какие именно деяния на практике подпадают под действие статьи 188 УК, можно получить из обрывочной информации на сайтах независимых СМИ, правозащитных организаций или — крайне редко — на сайтах государственных органов.

К примеру, в новости на сайте Следственного комитета Республики Беларусь о возбуждении в 2021 году уголовного дела за клевету сообщалось, что гражданин «разместил на своей странице в социальной сети фотографию сотрудника милиции и подписал его текстом, содержащим обвинение должностного лица в совершении тяжкого преступления». Новость [сопровождалась](#) скриншотом: фотографией сотрудника милиции с текстом «участвовал в разгонах митингов в Барановичах, пытал людей». Исходя из данной новости именно текст «пытал людей» [понимался](#) следственными органами как клевета, «содержащая обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления», и стал причиной возбуждения уголовного дела и привлечения к ответственности по статье 188.

Исходя из открытых источников, клеветой в Беларуси могут считаться разные по содержанию высказывания. Один из обвиняемых [был осужден](#) по статье 188 за листовки с текстом, в котором сотрудник ОВД назывался «цепным псом режима», «бандитом», «вышибалой», который «угрожает спортсменам и их семьям». Имело место привлечение к уголовной ответственности наблюдателя на выборах, который на своем Youtube-канале [назвал](#) членов избирательной комиссии фальсификаторами и утверждал, что они подделали результаты выборов. Под действие статьи 188 попадали: [распространение](#) в Telegram-чате информации о сотрудниках РУВД, которые «могут организовывать провокации, конфликтные ситуации или оперативное наблюдение. А также отбирать у детей телефоны»; [комментарий](#) в Telegram-чате «генеральный прокурор — преступник»; перепосты о сотрудниках РУВД с текстами [«лжесвидетельствует в суде и фабрикует протоколы»](#), [«патологический садист и убийца»](#) или [«снимал на камеру протестующих женщин с белыми и красными шариками, а потом лжесвидетельствовал в суде против них»](#).

Лица, осужденные по статье 188 УК, использовали различные формы выражения мнения. С конца 2020 года по статье 188 УК привлекали к уголовной ответственности за совершение следующих действий:

- // [размещение](#) фотографий должностных лиц (сотрудников органов внутренних дел, прокуроров) совместно с текстом, «содержащим заведомо ложные, порочащие потерпевшего сведения и измышления, которые не соответствуют действительности, существенно умаляют честь и достоинство

личности, дискредитируют потерпевших в глазах общественности»^{31 32 33 34}. Среди подобных сведений были [«соединенные с обвинением в совершении особо тяжкого преступления»](#)^{35 36}, [«о превышении служебных полномочий или совершении подлога»](#)³⁷, [«о даче заведомо ложных объяснений»](#) и [«даче заведомо ложных показаний»](#);

- // [«перепост»](#) из одного Telegram-канала в другой;
- // [комментарии](#) в Telegram-канале;
- // [изготовление](#) не менее 10 листовок с изображением должностного лица и не соответствующими действительности сведениями о нем и последующее размещение их в почтовые ящики, в результате чего якобы был причинен «существенный вред правам, свободам и законным интересам» потерпевшего. Каким именно правам был причинен вред, и какой именно вред, не указывается;
- // [комментарий](#) в социальной сети под фотографией сотрудницы органов внутренних дел, размещенной на персональной странице другого пользователя;
- // [проставление](#) оценки «класс» в социальной сети под фотографией должностного лица в форменном обмундировании «с публикацией, содержащей порочащие сведения и обвинения в совершении тяжкого преступления», что, по мнению суда, являлось «размещением на персональной странице в социальной сети, открытой для общего доступа в глобальной компьютерной сети Интернет»;
- // направления жалоб на судей³⁸.

Вышеуказанные примеры вызывают сомнения в том, что в отношении лиц, допустивших распространение недостоверных сведений, уголовное преследование применялось «лишь в связи с наиболее серьезными случаями».

В официальных источниках отсутствует информация о количестве привлеченных к ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 188 УК. В соответствии с данными правозащитного центра «Вясна» по состоянию на январь 2024 года среди всех осужденных по политически мотивированным уголовным делам 74 человекам [было предъявлено](#)

31 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/3ffd8bebbb7e42ad.html

32 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/013e28dc63844553.html

33 https://court.gov.by/ru/brestskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/cdd97f74c8cc49db.html

34 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/354c0a88b2044e69.html

35 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/0de813ee2a5149b0.html

36 https://court.gov.by/ru/brestskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/853c3321167942e2.html

37 https://court.gov.by/ru/brestskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/1a77b8bc74af4e1a.html

38 Приговор суда Дубровенского района от 01.07.2022 (дело N 32У2226), правовая база ILEX.

обвинение за клевету. В случае если лицо привлекалось к ответственности по нескольким статьям УК, далеко не в каждом случае известно, какое наказание было назначено именно по статье 188 УК. В связи с этим при анализе назначенных наказаний изучались только дела, где обвиняемых привлекали к ответственности исключительно по статье 188 УК. В соответствии с данными правозащитного центра «Весна» таких дел насчитывается 29. Из них один человек был приговорен к лишению свободы, в отношении остальных в большинстве случаев применялось ограничение свободы.

За период 2020–2024 года среди информации об уголовных делах о клевете в открытом доступе значительную часть составляют дела о привлечении к уголовной ответственности за распространение недостоверных сведений в отношении представителей публичных профессий. К примеру, сайт Верховного Суда Республики Беларусь дает информацию о рассмотрении уголовных дел в открытых судебных заседаниях по статье 188 УК, где потерпевшими являлись [сотрудники ОВД](#)^{39 40 41 42 43 44 45 46 47 48}, [прокурор](#), [Генеральный прокурор](#), [председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь](#), [председатель и член участковой комиссии по выборам Президента Республики Беларусь](#), [социальные педагоги в школах](#), [военнослужащий](#), и только в одном деле профессиональный статус потерпевшей [не был указан](#). До декабря 2020 года данный сайт вообще не публиковал практику по уголовным делам о клевете.

При этом на фоне нарушений, которые имели место до и во время выборов 2020 года, и последующих репрессий к членам избирательных комиссий и сотрудникам правоохранительных органов имелось повышенное внимание со стороны граждан. В своей практике Комитет подчеркивал, что публичные интересы в случае критических высказываний являются тем фактором, который следует учитывать при рассмотрении утверждений о диффамации⁴⁹, однако в открытых источниках нет сведений о том, что данные обстоятельства суды принимали во внимание при привлечении к уголовной ответственности за реализацию свободы выражения мнения.

Предоставляя информацию в открытый доступ, государство не предпринимало попыток объяснить общественности, каким образом при вынесении

39 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/428dc38cdbca4dc2.html

40 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/c46b95b9a9c2474d.html

41 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/3ffd8bebbb7e42ad.html

42 https://court.gov.by/ru/brestskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/8566822e591b4bd7.html

43 https://court.gov.by/ru/brestskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/1a77b8bc74af4e1a.html

44 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/041f14bc235b45aa.html

45 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/0de813ee2a5149b0.html

46 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/bdcd4609a14c4ec0.html

47 https://court.gov.by/ru/brestskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/b3d4b05327144e7b.html

48 https://court.gov.by/ru/justice/press_office/354c0a88b2044e69.html

49 Козлов против Беларуси, ССРР/С/111/Д/1986/2010, пункт 7.5.

приговоров учитывались конкретная форма выражения мнения и средства его распространения⁵⁰, и мы не можем утверждать, что в вышеуказанных ситуациях ограничения свободы выражения мнений отвечали критериям необходимости и соразмерности. Привлечения к уголовной ответственности (в виде ограничения, и особенно — в виде лишения свободы) явно не представляют собой «наименее ограничительное средство из числа тех, с помощью которых может быть достигнут желаемый результат».

Как видно из открытых источников, лишение свободы достаточно активно применяется в отношении лиц, осужденных за «клевету в отношении президента». По состоянию январь 2024 года, исходя из данных правозащитного центра «Вясна», за совершение преступлений, предусмотренных статьей 367, было привлечено к уголовной ответственности 162 человека. Как и в случае со статьей 188 УК, открытые источники часто не разграничивают наказания за разные статьи, если человек был привлечен к ответственности по нескольким статьям УК. В связи с этим для анализа практики были взяты дела, в которых людей обвиняли только по одной статье — 367 УК. Таких дел на [сайте](#) правозащитного центра «Вясна» минимум 36 (по состоянию на январь 2024 года), в 17 случаях к осужденным было применено наказание в виде лишения свободы.

Среди высказываний лиц, осужденных по статье 367 УК, имелись такие оценки как [«коварен»](#), [«жаден»](#), [«обманщик»](#); [«узурпатор»](#); [«главарь ОПГ Лукашенко»](#), [«бандит Лукашенко»](#); [«устроил терроризм и геноцид в стране, еще и оккупацией занялись»](#); [«Лукашенко убил еще одного белоруса»](#) (как реакция на гибель брестчанина Геннадия Шутова от выстрела силовика) и т. п.

Среди способов распространения информации были такие как:

- // [размещение](#) видео на своих страницах в социальных сетях, [фото](#) Лукашенко в форме СС со стихотворением, рисунка Лукашенко с надписями;
- // [развертывание](#) в публичном месте таблички с надписью «Узурпатор»;
- // [высказывания](#) в адрес Лукашенко во время встречи руководства районного исполнительного комитета с местным населением;
- // [перепост](#) в X (бывший Twitter) материала BBC про принудительную посадку в Минске самолета Ryanair с текстом «Очередное преступление Лукашенко: акт государственного авиापиратства»; при этом фраза «акт государственного авиापиратства» являлась цитатой высказывания МИД Греции из первоначального материала BBC;

⁵⁰ Замечание общего порядка №34, пункт 34.

- // демонстрация учителем во время урока по теме международных отношений видеоролика, где использовалось высказывание «кровавый диктатор» и, согласно обвинению, содержалась «клеветническая информация о несоблюдении президентом, который является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина, статей Конституции»;
- // размещение комментариев в социальных сетях и Telegram-каналах;
- // расклеивание 1 листовки;
- // проставление «лайков» в социальных сетях.

Приведенные примеры вызывают сомнения в обоснованности привлечения людей к уголовной ответственности даже с точки зрения белорусского законодательства. И при этом очевидно, что с точки зрения статьи 19 Пакта уголовная ответственность за рисунки или комментарии в отношении президента, который как таковой подвергается критике и оппозиции, будет являться необоснованным ограничением свободы выражения мнения.

Ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных в законодательстве и правоприменительной практике Республики Беларусь

Международные стандарты в области защиты персональных данных

Под «персональными данными» в международной практике понимается любая информация об определенном или поддающемся определению физическом лице⁵¹.

Такая информация находится под защитой статьи 17 Пакта, запрещающей произвольное или незаконное вмешательство в частную и семейную жизнь и гарантирующей право на защиту закона от такого вмешательства.

Комитет по правам человека в Замечании общего порядка № 16 отмечает, что государства участники обязаны не участвовать сами в осуществлении вмешательств, несовместимых со статьей 17 Пакта, и обеспечивать правовую основу, запрещающую такие действия со стороны физических или юридических лиц. Законом должны регулироваться сбор и хранение информации личного характера государственными властями, или частными лицами, или органами в компьютерах, банками данных или как-либо иначе. Государства должны принимать эффективные меры к тому, чтобы информация, касающаяся личной жизни какого либо лица, не попадала в руки лиц, которые не имеют разрешения на ее получение, обработку и использование, и к тому, чтобы такая информация никогда не использовалась в целях, не совместимых с целями Пакта⁵².

Таким образом, сохранность и неразглашение персональных данных признается одним из элементов права на частную жизнь. В то же время, персональные данные, будучи одним из видов информации, могут быть объектом свободного распространения в соответствии со статьей 19 Пакта. Возникшая коллизия должна решаться в соответствии с частью 3 статьи 19 Пакта, позволяющей устанавливать ограничения в случаях, когда они необходимы для одной из перечисленных целей, в данном случае — для уважения прав других лиц. Эти ограничения также должны соответствовать и другим условиям правомерности, то есть быть установлены законом и быть пропорциональными.

51 Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, принята в Страсбурге 28 января 1981 года, статья 2.

52 Замечание общего порядка № 17, пункты 9-10.

Стандартом защиты персональных данных для государств-участников Совета Европы является Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, принятая в Страсбурге 28 января 1981 года. Она определяет персональные данные как «любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице» и устанавливает основополагающие принципы защиты данных.

Широко известным примером законодательного регулирования в сфере защиты данных является Общий регламент защиты персональных данных Европейского союза (General Data Protection Regulation, GDPR). Хотя GDPR и не может считаться в чистом виде международным стандартом, он признается значительным количеством государств: для государств ЕС он является обязательным к исполнению, но также должен соблюдаться и любыми иными государствами, при обработке персональных данных граждан ЕС; многие положения GDPR используются при разработке национального законодательства. В связи с этим нормы GDPR могут быть использованы в качестве примера при оценке национального регулирования защиты персональных данных.

GDPR, помимо детального регулирования процесса обработки персональных данных, устанавливает и меры ответственности за нарушения в этой сфере. В частности, предусматривает административные штрафы в качестве санкции за нарушение конкретных положений GDPR и устанавливает общие условия для наложения штрафов (статья 83). В соответствии с GDPR надзорный орган должен гарантировать, что наложение административного штрафа «в каждом индивидуальном случае является эффективным, соразмерным и сдерживающим». Для обеспечения этих гарантий вводится перечень обстоятельств, которые должны приниматься во внимание в каждом индивидуальном случае: характер, тяжесть и продолжительность нарушения с учетом характера, объема или цели обработки, количества пострадавших субъектов данных и размера причиненного им вреда, категории персональных данных, пострадавших в результате нарушения, преднамеренный или непреднамеренный характер нарушения и так далее.

Кроме того, GDPR допускает установление государствами-членами иных санкций, включая уголовную ответственность, которые также должны быть эффективными, соизмеримыми и оказывать сдерживающее воздействие (статья 83, recital 149)⁵³.

53 Уголовная ответственность за нарушение законодательства в сфере персональных данных введена во многих странах. Например, [законодательство Республики Кипр](#) предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 1, 3 и 5 лет; [законодательство Франции](#) – от 1 до 5 лет лишения свободы; и так далее.

Ограничения обработки персональных данных в законодательстве Беларуси

Специальное законодательство в сфере защиты персональных данных в Беларуси появилось относительно недавно: Закон «О защите персональных данных» был принят 7 мая и вступил в силу 15 ноября 2021 года.

Однако отдельные вопросы в этой сфере были урегулированы и до этого. Так, Закон от 10 ноября 2008 года «Об информации, информатизации и защите информации» относил персональные данные к информации, распространение и предоставление которой ограничено (статья 17), и устанавливал, что сбор, обработка, хранение, использование персональных данных осуществляется только с письменного согласия лица, а требование к физическому лицу предоставить эти данные или получение их иным образом помимо его воли — неправомерны (статья 18).

Этим законом персональные данные определялись как «основные и дополнительные персональные данные физического лица, подлежащие в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо». К ним относились идентификационный номер, фамилия, имя, отчество, пол, дата и место рождения, цифровой фотопортрет, данные о гражданстве, о регистрации по месту жительства, о смерти (основные данные), а также данные о членах семьи, образовании, роде занятий, пенсии, денежном содержании, страховых выплатах, налоговых обязательствах, инвалидности, наличии исполнительного производства (дополнительные).

В 2021 году был принят Закон «О защите персональных данных», который намного более детально регулирует отношения, возникающие в этой сфере. В законе было закреплено новое определение персональных данных: «любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано». Также введено понятие «обработка» — любое действие или совокупность действий, совершаемые с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных. Предусмотрено обязательное получение согласия лица на осуществление обработки его персональных данных любым способом, а также другие требования к такой деятельности.

[Как отмечали эксперты](#), «положения закона сформулированы с учетом положений Совета Европы о защите физических лиц в отношении автоматизированной

обработки персональных данных от 28 января 1981 г. ETS № 108, а также общепринятых подходов к определению персональных данных в законодательстве зарубежных государств», и в целом новый закон оценивался положительно, несмотря на наличие определенных недостатков.

Одним из таких недостатков можно назвать то, что, предоставляя журналистам и СМИ право обрабатывать персональные данные без согласия лица⁵⁴, закон не распространял эту норму на онлайн-ресурсы, не имеющие статуса СМИ, блогеров, фрилансеров, активистов-расследователей и др., ставя под угрозу их деятельность по свободному распространению информации.

Таким образом, в 2020–2023 годах в Беларуси существовали законодательные нормы, регулирующие права и обязанности граждан в отношении распространения персональных данных. В то же время, принципы и условия привлечения к ответственности и конкретные санкции за нарушение этих норм специальным законодательством не устанавливались. Ответственность реализовывалась посредством статей Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях.

Административная ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных. Анализ правовых норм

Кодекс об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 года

Статья 22.13. Разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны либо персональных данных

Умышленное разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны без согласия ее владельца либо умышленное незаконное разглашение персональных данных лицом, которому коммерческая или иная охраняемая законом тайна либо персональные данные известны в связи с его профессиональной или служебной деятельностью, если в этих деяниях нет состава преступления,—

влекут наложение штрафа в размере от четырех до двадцати базовых величин.

⁵⁴ В соответствии со статьей 6 Закона «О защите персональных данных» согласие на обработку данных не требуется, если обработка данных осуществляется «в целях осуществления законной профессиональной деятельности журналиста и (или) деятельности средства массовой информации, организации, осуществляющей издательскую деятельность, направленных на защиту общественного интереса, представляющего собой потребность общества в обнаружении и раскрытии информации об угрозах национальной безопасности, общественному порядку, здоровью населения и окружающей среде, информации, влияющей на выполнение своих обязанностей государственными должностными лицами, занимающими ответственное положение, общественными деятелями».

Кодекс об административных правонарушениях от 6 января 2021 года

Статья 23.7. Нарушение законодательства о защите персональных данных

1. Умышленные незаконные сбор, обработка, хранение или предоставление персональных данных физического лица либо нарушение его прав, связанных с обработкой персональных данных,—

влекут наложение штрафа в размере до пятидесяти базовых величин.

2. Деяния, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, совершенные лицом, которому персональные данные известны в связи с его профессиональной или служебной деятельностью,—

влекут наложение штрафа в размере от четырех до ста базовых величин.

3. Умышленное незаконное распространение персональных данных физических лиц,—

влечет наложение штрафа в размере до двухсот базовых величин.

4. Несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных физических лиц,—

влечет наложение штрафа в размере от двух до десяти базовых величин, на индивидуального предпринимателя — от десяти до двадцати пяти базовых величин, а на юридическое лицо — от двадцати до пятидесяти базовых величин.

Анализ правовых норм

Административная ответственность за незаконное распространение персональных данных была введена в 2018 году: статья 22.13 Кодекса об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 года (далее — КоАП 2003 года), предусматривавшая ответственность за разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны, была дополнена положениями, запрещающими также разглашение персональных данных.

Статья 22.13 КоАП 2003 года предусматривала ответственность только за один вид действий — «разглашение» (данный термин в законодательстве не раскрывался, но под ним традиционно понимается сообщение сведений любым третьим лицам, не имеющим к ним доступа). Данное правонарушение могло быть совершено только специальным субъектом — лицом, которому

разглашаемые действия известны в связи с его профессиональной или служебной деятельностью.

Таким образом, административная ответственность была предусмотрена лишь для ограниченного круга случаев распространения персональных данных.

С 1 марта 2021 года в силу вступил новый Кодекс об административных правонарушениях (далее — КоАП 2021 года), в котором ответственность за неправомерное использование персональных данных была предусмотрена уже отдельной статьей 23.7.

В отличие от КоАП 2003 года статья 23.7 КоАП 2021 года устанавливает ответственность уже не только за разглашение, но также за «незаконные сбор, обработку, хранение или предоставление» (часть 1 статьи 23.7), а также «распространение» (часть 3 статьи 23.7) персональных данных физических лиц («предоставление» и «распространение» различаются по кругу адресатов: распространение — действия, направленные на ознакомление с персональными данными неопределенного круга лиц, а предоставление — определенных лиц).

Принципиальным отличием от статьи 22.13 КоАП 2003 является то, что теперь ответственности подлежит не только специальный субъект (что предусмотрено частями 2 и 4), но также и любой гражданин, совершающий незаконные действия в отношении персональных данных (части 1 и 3).

В части предусмотренных взысканий также наблюдаются существенные изменения: если раньше статьей 23.7 был предусмотрен штраф в относительно небольшом размере — от 4 до 20 базовых величин, — то теперь максимальный размер штрафа составляет 50 (часть 1), 100 (часть 2) и 200 (часть 3) базовых величин (по состоянию на 31 декабря 2023 года это суммы, примерно эквивалентные 580, 1160 и 2320 евро). В сравнении со штрафами, предусмотренными GDPR (до 10 млн и 20 млн евро), эти суммы представляются незначительными. В то же время, 200 базовых величин — это максимальный размер штрафа, который КоАП предусматривает для физических лиц⁵⁵.

Примечательно, что в частях 1–3 статьи 23.7 не предусмотрена дифференцированная ответственность для физических и юридических лиц, хотя такой подход применяется во множестве других статей КоАП (в том числе и в части 4 статьи 23.7 — несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных); при этом максимальный размер штрафа, налагаемого на юридическое лицо согласно КоАП, — 1000 базовых величин. Из этого

55 Часть 3 статьи 6.4 КоАП 2021 года.

можно сделать вывод, что законодатель, вводя статью 23.7, ставил целью не столько ограничение незаконных действий со стороны юридических лиц, как это принято в международной практике, сколько наказание граждан, предоставляющих или распространяющих персональные данные.

Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных. Анализ правовых норм

Статья 203–1 УК. Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных

1. Умышленные незаконные сбор, предоставление информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, повлекшие причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина,—

наказываются общественными работами, или штрафом, или арестом, или ограничением свободы на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок.

2. Умышленное незаконное распространение информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, повлекшее причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина,—

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок со штрафом.

3. Действия, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга,—

наказываются ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок со штрафом.

Анализ статьи 203–1 УК

В Уголовном кодексе ответственность за незаконное использование персональных данных появилась в 2021 году со введением статей 203–1 и 203–2⁵⁶ (введены законом от 26 мая 2021 года, начали действовать с 19 июня 2021 года).

⁵⁶ Статья 203-2 предусматривает ответственность лица, осуществляющего обработку персональных данных, за несоблюдение мер их защиты – то есть за нарушения, допущенные уполномоченным субъектом в ходе законной деятельности по обработке персональных данных. Данные вопросы не входят в предмет настоящего доклада, поэтому далее статья 203-2 рассматриваться не будет.

По статье 203–1 ответственность предусмотрена за «сбор», «предоставление» персональных данных (часть 1) и их «распространение» (часть 2). Другие действия, входящие в понятие «обработка», в уголовном порядке не наказываются.

Если сбор, предоставление или распространение персональных данных совершены в отношении «лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга», за это установлена повышенная ответственность (часть 3).

Таким образом, сами действия, образующие составы преступления по статье 203–1 УК и административного правонарушения по статье 23.7 КоАП, во многом совпадают. Ключевым признаком, при наличии которого эти действия подпадают под уголовную, а не административную ответственность, являются их последствия — «причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина».

Понятие «существенный вред» используется и в других статьях Уголовного кодекса, однако ни в законодательстве, ни в практике не выработано понятных однозначных подходов, позволяющих квалифицировать вред как «существенный»⁵⁷. На практике органами уголовного преследования и судами данное понятие толкуется с большой долей усмотрения и зачастую без достаточного обоснования, что фактически лишает возможности приводить контраргументы против такой квалификации.

Санкции всех трех частей статьи 203–1 предусматривают в качестве наказания ограничение или лишение свободы (до 2, 3 и 5 лет соответственно). Альтернативные наказания в виде общественных работ и штрафа предусмотрены только частью 1.

Рассматривая норму статьи 203–1 УК, а также нормы статьи 22.13 КоАП 2003 года и статьи 23.7 КоАП 2021 года как ограничение права на свободу распространения информации, можно констатировать, что данное ограничение в достаточной степени определено законом. Помимо норм УК и КоАП, имеется специальный закон «О защите персональных данных», который разъясняет употребляемые в кодексах понятия; этот закон в целом достаточно подробно определяет правила обращения с персональными

57 Например, в постановлении Пленума Верховного Суда от 16 декабря 2021 года № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (статьи 424–428 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» предлагается при решении вопроса о том, является ли вред существенным, «учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т.п. Существенный вред может выражаться, в частности, в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка». Такое разъяснение хотя и дает некоторое представление о том, как производить оценку, на все равно оставляет большие возможности для произвольного толкования.

данными и может считаться соответствующим международным стандартам (кроме того, имеет силу и Закон «Об информации, информатизации и защите информации», который не в такой степени регулирует отношения, связанные с персональными данными, однако в достаточной мере определяет понятия, необходимые для уголовной ответственности).

Может вызывать сомнения целесообразность установления уголовной ответственности за незаконные действия в отношении персональных данных. Однако с точки зрения, например, GDPR установление уголовной ответственности допустимо и практикуется во многих странах. Предусмотренные белорусским УК наказания (их виды и сроки) сами по себе не отличаются принципиально от наказаний в других странах.

Определенным недостатком статьи 203–1 УК можно считать формулировку «существенный вред» в качестве обязательного признака противоправного деяния. Тем не менее, представляется, что использование таких оценочных понятий, особенно — применительно к последствиям деяния, в законодательстве допустимо, если при этом на практике соблюдаются требования пропорциональности и необходимости ограничений.

Статья 179 УК. Незаконное собирание либо распространение информации о частной жизни

1. Незаконное собирание либо распространение сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия, повлекшие причинение вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего,—

наказываются общественными работами, или штрафом, или арестом.

2. Те же действия, совершенные с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий,—

наказываются лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом, либо ограничением свободы на срок до трех лет со штрафом, либо лишением свободы на тот же срок со штрафом.

Анализ статьи 179 УК

В свете сложившейся практики привлечения к ответственности за незаконные действия с персональными данными, помимо перечисленных

выше статьей УК и КоАП, необходимо также проанализировать статью 179 УК — «Незаконное соби­рание либо распространение информации о частной жизни» — которая активно применялась для наказания за такие действия до введения статьи 203–1.

В Уголовном кодексе статья 179 содержалась с момента его вступления в силу 1 января 2001 года и до 19 июня 2021 года, когда была исключена из кодекса.

В статье 179 не использовалось понятие «персональные данные», а говорилось о «сведениях о частной жизни». Законодательством это понятие в период действия статьи 179 определено не было (и не определено до сих пор). При этом, «информация о частной жизни» неоднократно упоминается в Законе об информации как самостоятельный объект наряду с «персональными данными», из чего следует, что «сведения/информация о частной жизни» и «персональные данные» не являются абсолютно синонимичными понятиями.

Также необходимо отметить, что статья 179 предусматривала ответственность за распространение не любых сведений о частной жизни, а лишь «составляющих личную или семейную тайну». Определение такой тайны также нигде не закреплено, однако очевидно, что защищаемый объект отличается от «персональных данных», как они определены в ныне действующем законодательстве. На это указывает и то, что статья 179 была размещена в главе 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних».

Таким образом, статья 179 не предусматривала ответственность за соби­рание или распространение любых персональных данных. Применительно к персональным данным она могла использоваться лишь в случаях, когда эти данные составляют личную или семейную тайну. То есть юридически статью 179 нельзя рассматривать как аналог статьи 203–1, действовавший до введения последней. Однако, исходя из сведений о политически мотивированных приговорах за 2020–2023 годы, именно таким образом статья 179 и применялась.

В опубликованных судами сообщениях о делах по статье 179 УК не приводилось каких-либо обоснований того, что распространенные сведения являлись личной или семейной тайной. Более того, многие из этих сведений хотя и являются персональными данными, вряд ли могут быть отнесены к «тайне» в принципе (например, имя, фамилия, место работы, должность и т.д.). А с учетом того, что и само понятие тайны в законодательстве не урегулировано, для гражданина в обычной ситуации совершенно не было очевидно, что распространение таких сведений запрещено статьей 179 УК.

Таким образом, исходя из имеющейся в открытых источниках информации можно сделать вывод, что применение статьи 179 УК для ограничения права на свободу распространения информации не отвечает требованиям пункта 3 статьи 19 Пакта, поскольку норма закона «не сформулирована достаточно четко, с тем чтобы дать лицу возможность соответствующим образом следить за своим поведением»⁵⁸.

Практика привлечения к ответственности за незаконные действия в отношении персональных данных

Несмотря на то, что уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными (статья 203–1) была введена в Уголовный кодекс только с 19 июня 2021 года, отдельные уголовные дела за такие действия начали возбуждать еще в 2020 году — по статье 179 Уголовного кодекса⁵⁹. Их количество резко возросло весной 2021 года. В частности, на сайте Генеральной прокуратуры начали регулярно [публиковаться](#) сообщения о возбуждении прокуратурами различных районов и городов Беларуси уголовных дел по фактам распространения персональных данных. За период с марта по 19 июня 2021 года Генеральная прокуратура сообщила о возбуждении не менее чем 27 дел по статье 179.

Согласно этим сообщениям, распространяемая информация представляла собой «сведения о частной жизни и персональные данные, составляющие личную и семейную тайны»: фамилия, имя, отчество, дата рождения, адрес проживания и регистрации, сведения об имуществе и близких родственниках, личные номера мобильной связи, личный номер паспорта, род занятий, цифровой фотопортрет. Эта информация касалась преимущественно работников прокуратуры, а также судей, депутатов Палаты представителей, работников исполкомов. Наиболее частым способом распространения являлась публикация в чатах или каналах мессенджера Telegram. В качестве обязательного признака [указывалось](#), что информация «стала доступна для прочтения неопределенному кругу лиц», что [повлекло причинение вреда правам и законным интересам](#)».

Одновременно с этим, 18 марта 2021 года, Генеральная прокуратура [сообщила](#), что совместно с иными заинтересованными органами разработала предложение «наказывать в уголовном порядке за незаконный сбор либо распространение информации о частной жизни или персональных данных граждан» и ввести повышенную ответственность за такие действия

58 Замечание общего порядка № 34, пункт 25.

59 Например, [дело почтальонки](#) Ларисы Тонкошкур.

в отношении лица или его близких в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Начиная с 19 июня 2021 года стала действовать статья 203–1 Уголовного кодекса, и в дальнейшем уголовные дела возбуждались как по ней, так и по статье 179 (в зависимости от того, в период действия какой статьи совершались действия с персональными данными).

Обстоятельства, по которым возбуждались уголовные дела, остались примерно теми же, что и раньше. Преимущественно, персональные данные [размещались](#) в интернете (в мессенджере Telegram, социальных сетях, на видеохостинге YouTube) в виде текста или видеозаписи; в редких случаях персональные данные распространялись в виде листовок (см. примеры ниже). Круг потерпевших остался примерно тем же — представители государственных органов, в первую очередь — правоохранительных.

При этом случаи привлечения по статье 203–1 УК по-видимому остаются достаточно немногочисленными по сравнению с количеством деяний по другим статьям. В связи с этим статья 203–1 не включается в официальную судебную статистику. Однако некоторое представление о количестве уголовных дел в этой сфере можно получить из открытых источников.

В марте 2023 заместитель начальника управления Следственного комитета по Гомельской области Максим Спринцин в публичном выступлении [сообщил](#) о том, что следственными подразделениями Гомельской области с августа 2020 года возбуждено 154 уголовных дела «за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных». Однако спустя три месяца, в интервью с тем же М. Спринциным от 15 июня 2023 года, [приводилось](#) меньшее число — 122 уголовных дела по ст.203–1 УК.

В публикации интервью с судьей Минского городского суда Верой Головковой от 22 ноября 2023 года [указывалось](#), что в 2022 году к уголовной ответственности за нарушение закона «О защите персональных данных» было привлечено 59 человек, в 2023–25 человек⁶⁰.

В списке осужденных по политическим уголовным делам ПЦ «Вясна» [имеется](#) информация о том, что приговоры за незаконные действия с персональными данными в 2022 году вынесены в отношении как минимум 46 человек (из них 16 — по статье 179 УК), в 2023 году — в отношении как минимум 36 человек (из них 3 — по статье 179 УК).

Хотя сама по себе уголовная ответственность за разглашение персональных данных признается допустимой мерой в международной практике, ее

60 Предположительно, эти данные относятся к первому полугодю или первым трем кварталам 2023 года.

применение в конкретных случаях должно быть в достаточной степени обосновано с точки зрения пропорциональности и необходимости, как этого требует пункт 3 статьи 19 Пакта.

Это требование в некотором смысле зафиксировано и в статье 203–1 УК. Как было указано выше, ключевым признаком, отличающим уголовно наказуемое деяние от административного правонарушения, является причинение «существенного вреда правам, свободам и законным интересам».

В сообщениях об уголовных делах по статьям 179 и 203–1, публикуемых государственными органами, всегда присутствует данная формулировка, однако не указывается, в чем именно заключался этот вред. Никаких фактов, которые могли бы косвенно указывать на причинение такого вреда, в общедоступной информации не усматривается (например, публикация домашних адресов сотрудников ОМОН могла бы повлечь нападения на их жилища, но о таких действиях никогда не сообщалось).

Таким образом, из имеющейся информации непонятно, на основании каких данных суды делали вывод о наличии существенного вреда, а следовательно — и о необходимости привлечения к уголовной (а не административной) ответственности. Это не позволяет говорить, что привлечение к уголовной ответственности было в данной ситуации пропорциональной и необходимой мерой.

Помимо этого, наказания, назначенные по статьям 179 и 203–1 УК в конкретных случаях, не представляются пропорциональными и необходимыми.

В настоящее время полноценный анализ практики назначения наказаний затруднен. Этому препятствуют как отсутствие информации обо всех вынесенных приговорах, так и то, что в преимущественном большинстве случаев статьи 179 и 203–1 вменяются в совокупности с другими составами преступлений, и зачастую известна лишь информация об общем наказании. Тем не менее, можно сделать выводы о некоторых тенденциях в назначении наказаний.

Достоверная информация о наказании по части 1 статьи 179 известна как минимум в шести случаях. В каждом из них это арест, причем в пяти⁶¹ — на 3 месяца, то есть на максимальный срок.

По части 2 статьи 179 известен приговор в отношении двух человек, которым назначено 1 и 1,5 года лишения свободы.

⁶¹ Шестой случай – дело Софии Сапеги, которой по части 1 статьи 179 назначен один месяц ареста. Причиной может быть то, что она заключила досудебное соглашение, что исключает назначение максимального наказания.

В практике назначения наказаний по статье 203–1 наблюдается несколько большая вариативность: встречаются аресты, ограничение свободы и лишение свободы, со сроком от 1 месяца ареста до 5 лет лишения свободы (по делу «Черной книги Беларуси»). В то же время, случаи применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, неизвестны⁶².

Как отмечалось выше, законодательство Беларуси, в отличие от GDPR, не содержит перечня критериев для привлечения к ответственности за незаконные действия с персональными данными. Вместо этого применению подлежат общие принципы уголовной ответственности. Однако из открытых источников достаточно сложно определить, какие обстоятельства и каким образом влияли на вид и срок наказаний в конкретных случаях. Обоснований избираемым наказаниям не публикуется. Некоторые доступные примеры из практики позволяют утверждать, что назначаемые наказания были явно несоразмерны совершенному деянию.

Л. была осуждена за то, что в одной из социальных сетей «разместила публикацию с фотоизображением и текстом со сведениями о частной жизни и персональных данных сотрудника ОВД, чем причинила существенный вред правам, свободам и законным интересам потерпевшего». За это ей по части 3 статьи 203–1 было назначено лишение свободы на срок 9 месяцев со штрафом в размере 50 базовых величин.

Р. в период с 1 декабря 2020 года по 11 января 2021 года изготовил не менее десяти листовок с фотоизображением прокурора Браславского района в форменном обмундировании, содержащих его персональные данные и ложные, не соответствующие действительности, порочащие его сведения, негативно оценивающие потерпевшего, унижающие его честь и достоинство, а также не менее десяти листовок, содержащих персональные данные и информацию о частной жизни потерпевшего, а также сведения о месте его жительства. После чего поместил указанные листовки в почтовые ящики в подъездах многоквартирных жилых домов в г. Браславе. Судом по части 2 статьи 203–1 было назначено наказание в виде 1 месяца ареста.

В обоих примерах сведения были распространены в отношении одного человека. При таком объеме данных ограничение в виде уголовной ответственности, включающее лишение свободы, представляется чрезмерным. Кроме того, во втором примере распространение осуществлялось путем рас-

⁶² Следует оговориться, что, во-первых, такие наказания предусмотрены только частью 1 статьи 203-1, в то время как приговоры выносились преимущественно по части 3 (известно как минимум 50 таких случаев); во-вторых, в большинстве случаев статью 203-1 УК вменяли в совокупности с другими – как правило, значительно более тяжкими – составами преступлений, которые и определяли окончательное наказание (практически всегда – лишение свободы), при этом в публикуемой информации указывалось только общее наказание.

клеивания листовок, то есть распространение было довольно ограниченным, что также необходимо было учитывать при назначении наказания.

Л. был осужден за то, что собрал «персональные данные четырех минчан, которые ранее сообщали на линию «102» о совершении экстремистских преступлений, изготовил листовки и расклеил их в общедоступных местах, в том числе на дверях подъездов, столбах электросвязи и калитке забора». Расклеенные листовки он снимал на фото и видео и отправлял неустановленным лицам, а затем эти фото и видео были размещены в одном из телеграм-каналов. Эти действия были квалифицированы по части 3 статьи 203–1, и Л. было назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы со штрафом 300 базовых величин.

В данном случае были распространены персональные данные четырех человек (причем в связи с действиями потерпевших, которые суд произвольно истолковал по части 3 статьи 203–1 как выполнение ими общественного долга). Исходя из этих обстоятельств, длительное лишение свободы явно не является ни пропорциональным, ни необходимым.

Согласно приговору суда «П. 23 сентября 2021 года после просмотра в публичном доступе в сети Интернет видеофайла, содержащего видеозапись с оскорблением начальника управления надзорно-исполнительной деятельности милиции общественной безопасности МВД, унижающие авторитет, честь и достоинство личности представителя власти в связи с выполнением им служебных обязанностей, разместил указанный видеофайл в публичном доступе в одной из социальных сетей на своей странице, предоставив тем самым в открытом доступе для свободного просмотра и копирования неограниченному кругу пользователей сети Интернет». По части 3 статьи 203–1 ему было назначено 2 года 6 месяцев лишения свободы со штрафом в размере 100 базовых величин.

В данном примере обращает на себя внимание тот факт, что персональные данные уже и так находились в общем доступе в интернете — еще до действий П. Он мог лишь обратить на них дополнительное внимание тех, кто просматривает его страницу в социальной сети. Сама по себе квалификация таких действий как преступных — предмет для дискуссии⁶³.

Р. был обвинен в том, что по заданию «лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность» разработал «часть программного обеспечения, позволяющего распечатывать и распространять информацию о частной

⁶³ Можно с большой долей вероятности предположить, что такой способ распространения — путем размещения в своих социальных сетях уже опубликованных до этого персональных данных — имеет место во многих уголовных делах. Однако в публикуемых государственными органами сообщениях вопросу об источнике персональных данных, как правило, не уделяется внимания.

жизни и персональных данных сотрудников правоохранительных и других государственных органов» (создал виртуальную кнопку для сайта «Черная карта оккупантов» — онлайн-карты с адресами силовиков, судей и других лиц, причастных к репрессиям). Суд посчитал такие действия пособничеством в распространении персональных данных (часть 6 статьи 16, часть 3 статьи 203–1) и [назначил](#) наказание в виде лишения свободы на 2 года 6 месяцев со штрафом 100 базовых величин.

В этом случае обвиняемый вообще не совершал никаких действий, которые можно было бы назвать распространением персональных данных. Создание виртуальной кнопки (как и публикация информации на своей странице в социальной сети из предыдущего примера) может позволить некоторым людям быстрее получить информацию, но первоочередное значение имеет то, что персональные данные уже размещены в общем доступе на сайте.

С-ч был признан виновным в покушении на незаконные собирание сведений о частной жизни, совершенное должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (часть 1 статьи 14, часть 2 статьи 179), а С-н — в приговоре к тем же действиям (часть 1 статьи 13, часть 2 статьи 179). Им [было назначено](#) лишение свободы на 1 год 6 месяцев и 1 год соответственно, со штрафом 200 базовых величин каждому.

Несмотря на то, что в данном случае вменялось неоконченное преступление (во втором случае — и вовсе приготовление, то есть самая ранняя стадия), назначен был самый строгий вид наказания — лишение свободы — с реальным сроком.

Приведенные выше примеры демонстрируют случаи, когда наказание в виде лишения свободы явно непропорционально содеянному в силу разных факторов (вменение неоконченного деяния, незначительный объем распространенных данных, распространение их способом, не предполагающим охвата большой аудитории, наличие данных в свободном доступе до начала вменяемых действий). Однако в большинстве этих примеров суды все равно назначали именно этот вид наказания. Обоснования таких наказаний публично суды не представляли и неизвестно, было ли оно вообще. В связи с этим можно сделать вывод, что требования пропорциональности и соразмерности в этих случаях нарушались, то есть примененное ограничение свободы распространения информации не соответствует международным стандартам⁶⁴.

64 Анализ сделан на основании публикаций о вынесенных приговорах на сайте Верховного Суда. При этом использовались лишь те из них, в которых описаны фактические обстоятельства вменяемых деяний (часто такие публикации ограничиваются лишь резолютивной частью приговора, из которой фактических обстоятельств установить невозможно). О большей же части вынесенных приговоров суды публично вообще не сообщают. В связи с этим невозможно сделать какие-либо выводы обо всех выносимых приговорах.

Что касается административной ответственности, то информации о практике по статьям 22.13 КоАП 2003 и 23.7 КоАП 2021 в свободном доступе практически нет. Правозащитный центр «Вясна» [упоминает](#) одно задержание по статье 23.7 КоАП (без описания обстоятельств).

На сайте генеральной прокуратуры опубликовано два сообщения по этой теме. [Первое](#) — о начале административного процесса по части 2 статьи 23.7, результаты которого неизвестны (бухгалтер организации направила в учреждение здравоохранения обращение с идентификационным номером работницы, именами и датами рождения ее детей). [Во втором случае](#) сообщалось о привлечении к административной ответственности гражданина, который при оформлении в отношении него постановления о наложении взыскания за безбилетный проезд назвал фамилию своего соседа; назначенный за это штраф составил 3 базовые величины.

Некоторые судебные решения можно найти в базах данных правовых актов. Так, суд Мозырского района за публикацию в интернете персональных данных нескольких бывших членов семьи (фамилии, имени, фотографии, адреса, даты рождения, места работы), с которыми у лица, привлеченного к ответственности, был имущественный спор, по части 3 статьи 23.7 назначил штраф в размере 3 базовых величин⁶⁵. Аналогичный штраф назначил суд Брагинского района за публикацию персональных данных также на почве личного конфликта⁶⁶.

Как видно, государственные органы мало освещают вопросы административной ответственности за распространение персональных данных; сообщения по этой теме отличает то, потерпевшие не являются должностными лицами. В то же время, публикации о привлечении к уголовной ответственности встречаются достаточно часто, причем во всех известных случаях потерпевшими являются государственные служащие, депутаты, участники избирательных комиссий, граждане, сообщающие о политической активности других граждан. Случаи уголовного преследования за разглашение персональных данных в отношении частных лиц или в коммерческой сфере неизвестны.

В результате этого основное предназначение норм, ограничивающих распространение персональных данных, уходит на второй план, что видно и из публичных комментариев представителей государственных органов.

Так, представители Следственного комитета неоднократно [называли](#) незаконные действия в отношении персональных данных среди [преступлений](#),

65 Правовая база ILEX.

66 Правовая база ILEX.

связанных с экстремизмом (хотя это даже формально не соответствует перечню, установленному Законом «О противодействии экстремизму»). Генеральная прокуратура в марте 2021 года [инициировала](#) введение уголовной ответственности за незаконный сбор или распространение персональных данных в рамках предложений «по усилению ответственности за экстремистскую деятельность». А заместитель прокурора Заводского района г. Минска в ноябре 2021 года [подчеркнул](#), что «военнослужащие, столкнувшиеся с «хейтом» в сети, распространением их данных в связи со служебной деятельностью, находятся под особой защитой государства».

Такие высказывания представителей государства демонстрируют, что распространение персональных данных расценивается ими как способ осуществления экстремистской деятельности. Можно констатировать, что резкий рост количества уголовных дел за незаконные действия с персональными данными, начавшийся весной 2021 года, связан не столько с принятием в мае 2021 года Закона «О защите персональных данных», сколько с преследованием политических оппонентов режима; новый закон же в этом контексте используется скорее для создания видимости защиты прав граждан.

Выводы

Проблемы, которые усматриваются из анализа норм законодательства Республики Беларусь об оскорблении и клевете и соотнесения их с международными стандартами свободы выражения мнений, с очевидностью свидетельствуют, что действующее законодательство на практике используется в Беларуси для неправомерного ограничения свободы выражения мнений.

Так, явными изъянами белорусского законодательства об оскорблении и клевете и правоприменительной практики является следующее:

- // само наличие уголовной ответственности за клевету и оскорбление, как непропорциональной меры ответственности за указанные деяния;
- // повышенная защита от клеветы и оскорблений президента и иных государственных должностных лиц (представителей власти, судей, военнослужащих) в связи с положением их личности, в то время как согласно стандартам свободы выражения мнений, такие лица могут на законных основаниях становиться объектами критики и нападок со стороны своих оппонентов. Заметное усиление этой ответственности после значимых общественно-политических событий 2020 г. в Беларуси свидетельствует о применении со стороны государственного аппарата еще больших усилий с целью заставить своих оппонентов замолчать;
- // суровые санкции статей Уголовного кодекса об оскорблении и клевете (в виде ареста, ограничения свободы, лишения свободы), которые являются чрезмерно широкими ограничениями свободы выражения мнений. Эти санкции представляют собой наиболее ограничительное из возможных средство, являются несоразмерными для выполнения своей защитной функции. При этом на практике наказания, связанные с ограничением или лишением свободы, даже при наличии альтернативных, более мягких санкций, применяются более широко, что дает основания говорить о несоблюдении принципа соразмерности как об общей тенденции;
- // представляется, что нормы и административного, и уголовного закона об оскорблении, предусматривающие признак «выраженное в неприличной форме», сформулированы недостаточно четко, и это не дает возможности лицам однозначно понять, какие именно высказывания будут оценены, как оскорбительные. В данном случае не действует принцип правовой определенности. Это дает широчайшее усмотрение правоприменителям толковать субъективно обидные негативные высказывания — «бытовые оскорбления»,

как оскорбление в административно- и уголовно-правовом смысле;

● // как показывает практика, при рассмотрении белорусскими судами уголовных дел об оскорблении и клевете вовсе не изучается и не принимается во внимание контекст рассматриваемых высказываний. Это позволяет трактовать выражение оценочных суждений граждан, основанных на конкретных фактах или событиях,—резкую критику текущего положения дел в государстве,—как оскорбление отдельных государственных должностных лиц или клевету в отношении них.

Таким образом, имеются серьезные сомнения в том, что Республика Беларусь предпринимает надлежащие попытки установить справедливый баланс между защитой прав и репутации «потерпевших» по уголовным делам об оскорблении и клевете и правом авторов «диффамационных» высказываний на свободу выражения мнения. Ограничения в виде уголовной и административной ответственности, установленные за эти действия, явно не соответствуют законным целям, предусмотренным пунктом 3 статьи 19 Пакта. Все это с очевидностью свидетельствуют о том, что сегодня белорусским уголовным и административным законодательством и практикой его применения под угрозу поставлен сам принцип свободы выражения мнений в Беларуси.

Несмотря на то, что изменения в правовом регулировании защиты персональных данных, которые произошли в Беларуси в рассматриваемый период, по многим признакам соответствуют подходам, принятым в международной практике, новое законодательство имеет явные существенные недостатки, а практика применения ограничений в этой сфере представляет собой нарушения международных стандартов прав человека. Это проявляется в следующем:

● // хотя законодательство достаточно четко определяет, какие действия с персональными данными являются противоправными, оно не содержит понятных критериев для квалификации их как преступлений. Разграничение деяний по статье 23.7 Кодекса об административных правонарушениях и статье 203–1 Уголовного кодекса происходит в зависимости от наличия «существенного вреда правам, свободам и законным интересам граждан» — признака, который не имеет единообразного толкования в законодательстве и на практике. Это приводит к произвольному привлечению к уголовной ответственности за действия, которые не обладают достаточной для этого степенью общественной опасности, то есть к несоразмерным санкциям;

- // санкции разных частей статьи 203–1 Уголовного кодекса в обязательном порядке предусматривают в качестве наказания ограничение и лишение свободы, а альтернативные санкции предусмотрены только одной из частей данной статьи. Из доступной информации о случаях осуждения по статье 203–1 не усматривается, чтобы применяемые санкции в виде ограничения и лишения свободы соответствовали тяжести содеянного;
- // практика применения статьи 203–1 показывает, что данная статья используется преимущественно (если не всецело) для преследования за распространение персональных данных должностных лиц государственных органов и иных граждан, явно демонстрирующих лояльность действующей власти. При этом сама статья 203–1 сформулирована таким образом, что ее основными целями видится именно борьба с «деанонимизацией» и защита указанных лиц. На это указывает и то, что еще до введения данной статьи в Уголовный кодекс широко распространилась практика привлечения к ответственности по статье 179, которая является неприменимой к большинству случаев распространения персональных данных.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что нормы, устанавливающие ответственность за незаконные действия в отношении персональных данных, используются в первую очередь для преследования граждан, несогласных с режимом, и тем самым становятся еще одним инструментом для подавления свободы выражения мнения в Беларуси.

Рекомендации

01. Освободить всех лиц, лишенных свободы на основании статей Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за любые виды клеветы и оскорбления, а также за незаконные действия в отношении персональных данных, и устранить иные последствия привлечения этих лиц к ответственности по данным статьям.

02. Полностью декриминализировать клевету и оскорбление в любых формах, исключив из Уголовного кодекса Республики Беларусь статьи 188 (клевета), 367 (клевета в отношении президента), 368 (оскорбление президента Республики Беларусь), 369 (оскорбление представителя власти), 391 (оскорбление судьи или народного заседателя), 444 (оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного), как нарушающие международные стандарты права на свободу выражения мнения.

03. Исключить из Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях статью 10.2 (оскорбление) и статью 24.4 (оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий) полностью.

04. Исключить из Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях статью 24.22, устанавливающую ответственность СМИ за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство президента.

05. Исключить из Уголовного кодекса статью 203–1 (незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных). Следует повторно всесторонне рассмотреть вопрос о необходимости установления уголовной ответственности за подобные действия и при наличии такой необходимости — установить перечень нарушений законодательства о защите персональных данных, которые влекут уголовную ответственность, или перечень критериев, по которым деяние может быть признано уголовно-наказуемым. Формулировка «повлекшие причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина» и подобные ей не должны включаться в новую статью как недостаточно определенные. Следует отказаться от лишения свободы в пользу альтернативных санкций, в частности, в виде штрафа.